

Крылов Вячеслав Николаевич

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО В МОДЕРНИСТСКИХ КРУГАХ НАЧАЛА XX ВЕКА (П. ПЕРЦОВ, В. КИГН)

В статье рассматриваются некоторые особенности рецепции личности и творчества Л. Н. Толстого в начале XX в., обусловленные как изменениями в творчестве позднего Толстого, так и характерным для критики Серебряного века акцентированием интереса к личности, повседневной жизни, отодвигающим на второй план собственно его художественное творчество. Для всестороннего изучения восприятия Толстого необходимо привлечение не только "вершинных" достижений модернистской критики (исследование Д. С. Мережковского "Лев Толстой и Достоевский"), но и текстов литераторов второго ряда, в том числе принадлежащих к кругу В. Розанова, среди которых имена П. Перцова и В. Кигна (Дедлова).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 33-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

LANGUAGE MARKERS OF INFERNAL SPACE IN N. V. GOGOL'S STORY "THE LOST LETTER"

Krivous Tat'yana Vladimirovna

Novikova Al'bina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
School of Pedagogics of Far Eastern Federal University in Ussuriysk
t.krivous@mail.ru; novikalex.49@mail.ru

The article is devoted to the language marking of "border" spaces and their impact on human nature in N. Gogol's story "The Lost Letter". The authors single out lexical marks of the "border nature" of ambivalent areas. It is stated that the key sign of the "bewitched" places is semes with the meaning "wine".

Key words and phrases: language marker; nominations of implicit chthonic colouring; contextual synonyms; "border", liminal, "bewitched" space.

УДК 82/821.0

В статье рассматриваются некоторые особенности рецепции личности и творчества Л. Н. Толстого в начале XX в., обусловленные как изменениями в творчестве позднего Толстого, так и характерным для критики Серебряного века акцентированием интереса к личности, повседневной жизни, отодвигающим на второй план собственно его художественное творчество. Для всестороннего изучения восприятия Толстого необходимо привлечение не только «вершинных» достижений модернистской критики (исследование Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»), но и текстов литераторов второго ряда, в том числе принадлежащих к кругу В. Розанова, среди которых имена П. Перцова и В. Кигна (Дедлова).

Ключевые слова и фразы: Л. Толстой; П. Перцов; В. Кигн (Дедлов); репутация; литературная критика; герой.

Крылов Вячеслав Николаевич, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
krylov77@list.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО
В МОДЕРНИСТСКИХ КРУГАХ НАЧАЛА XX ВЕКА (П. ПЕРЦОВ, В. КИГН)**

К концу XIX – началу XX века в русской критике по отношению к Л. Толстому устойчиво закрепляется следующая особенность: внимание к его личности, религиозным взглядам, общественной деятельности значительно перевешивает интерес к его художественному творчеству. Несколько переиначивая высказывание З. Гиппиус, отнесенное к М. Горькому, можно сказать, что для Серебряного века *писатель* Толстой давно заслонен *деятелем* Толстым. Литературная критика практически всех направлений и течений выразила такую характерную тенденцию критики литературной жизни начала XX века, как интерес к личности писателя. В XIX веке критика воспринимала писателя не столько как личность, сколько как явление, поэтому черты литературной жизни, «особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемые литературным процессом и составляющие один из его исторических контекстов» [5, с. 194], практически никак не осознавались. «Художник теперь сам как бы создавал эталон жизненного поведения – своей личностью, обликом героя своего творчества. И сами факты личной и общественной жизни писателя привлекали теперь гораздо более активное внимание» [3, с. 17]. Но по отношению к Л. Толстому указанная тенденция проявила себя особенно показательно. Критик Виктор Русаков (псевдоним В. Ф. Либровича) отмечал: «Можно смело утверждать, что ни один писатель – не только из русских, но и иностранных – как личность не возбуждает такого интереса, как граф Л. Н. Толстой. Мельчайшие подробности из жизни знаменитого автора "Войны и мира", сведения о том, как он живет и работает, в каком кругу вращается, какие произведения искусства особенно почитает, какие мыслители и писатели пользуются его расположением и т.д. и т.д. – все читается миллионами интеллигентных читателей во всем культурном мире, служит предметом разговоров, споров, рассуждений»¹ [6, с. 101].

Вместе с тем общественная и писательская репутация Толстого не была однозначной. С. Франк, анализируя юбилейную литературу о Толстом, был поражен бросающимся в глаза контрастом «между восторженным восхвалением его гения и почти всеобщим равнодушным или отрицательным отношением к его идеям» [7, с. 75].

Следует учесть и такую социологическую особенность, как читательская востребованность сочинений Толстого. По различным данным (например, отчеты библиотек для чтения) именно книги Л. Толстого больше всего заказывались читателями [4, с. 67]. Но в таком случае одна из миссий критики состояла в том, чтобы предложить новым поколениям поклонников Толстого актуальное прочтение его текстов, быть проводником в мире толстовской мысли. Смогла ли она выполнить эту задачу? На наш взгляд, лишь отчасти, по причинам, указанным выше. Тем интереснее попытки в критике начала XX в. преодолеть установившуюся

¹ Почти каждая ежемесячная рубрика «Новости из литературного мира» в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии» не обходилась без каких-либо сообщений из жизни Толстого.

тенденцию. В этой связи особую ценность представляют символистские штудии Толстого и выступления литераторов, близких к символистским кругам. И это при том, что его негативные оценки «новой литературы», религиозно-философских собраний начала века хорошо известны, декадентские принципы писательства были ему органически неприемлемы.

Для русских символистов Лев Толстой был классиком («вечным спутником») с мировой славой. Он входил в их жизнь с раннего детства, и даже еще не зная его как писателя, они уже слышали о нем. Но в то же время Толстой был и современником символистов, так или иначе находившимся с ними в одном литературном поле и поднимавшим нередко те же вопросы (о целях искусства, искусстве и религии, насилии и т.д.), и не реагировать на присутствие Толстого в современности (а эффект от религиозно-философских и публицистических выступлений Толстого был несравненно большим, чем от символистов) они не могли. Напряженный религиозно-философский диалог с Толстым вели Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, В. Брюсов и другие.

В модернистском кругу, сформировавшемся вокруг В. В. Розанова (к нему принадлежали П. Перцов, И. Романов (Рцы), Ф. Шперк, Д. Шестаков, В. Кигн (Дедлов) и др.), почтительно-благоговейного отношения к Толстому не было. Наоборот, предпринимались попытки прорвать пелену его всеобщей непогрешимой авторитетности. В частной переписке раздражение на Толстого выражалось даже сильнее публичных выступлений, как, например, в письме П. П. Перцова к В. В. Розанову от 5 декабря 1900 года: «Что за прострация? Мало ли что сболтнул “Сам” [Л. Н. Толстой]. Ведь он, в сущности, только и говорит. Что болтает. От него комплименты – не велика корысть. Но неужели так уж непоколебимо лакейство “великой державы” перед “в<еликим>п<исателем> з<емли> р<усской>”. И сегодня ему поклонялись (в отделе газет и журналов) до разбития лба, за компанию с “Северн<ым> Курьером”. Просто житья от него нет. Такого холопства никогда ни в одной литературе не было. Надо будет попробовать куснуть его» [8, с. 79].

Начальную часть забытой ныне статьи ««Воскресение» и толстовцы» (1900) П. Перцов целиком посвящает проблеме отношения к Толстому в связи с появлением романа «Воскресение», точнее, той ситуации безоговорочного писательского и общественного признания, в которой оказался Толстой. «Лев Толстой уже давно вышел из положения для него, может быть, более желательного – когда к писателю относятся *уже* со вниманием, но *еще* с критикой. Обе крайности, до и после этой средней точки, пожалуй, одинаково неприятны: неприятно, когда вовсе не слушают, но не менее неприятно, когда слушают с разинутым ртом, к каждому слову вставляя: “Так точно, ваше-ство”» [Там же, с. 274]. По мнению Перцова, «в нашей литературе последнего времени едва ли наперечет все статьи, в которых встречается свободное отношение к “в. п. з. р.” [“великому писателю земли русской”]. <...> Став, как римские цезари, богом еще при жизни, Толстой при жизни, вероятно, уже не встретит дерзновенных смертных, которые подойдут к нему как человек к человеку» [Там же, с. 295].

О роли книги Мережковского «Лев Толстой и Достоевский», заложившей основы изучения художественного мира писателя, его поэтики, хорошо известно. Гораздо менее известны другие попытки понять и объяснить своеобразие Толстого-художника. В этом ряду находится статья В. Л. Кигна (Дедлова) «В чем сила и слабость Льва Толстого», вышедшая в «Новом пути».

По отношению к Толстому в русской критике сложилась традиция механического разделения художественного творчества и философских исканий Толстого, теория «двух Толстых», восходящая к работам А. М. Скабичевского «Граф Толстой как художник и мыслитель», Н. К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого». В интерпретационной критике, обращенной к творчеству Толстого, эта традиция проявляет себя в неременном оценочном подходе к личности, взглядам Толстого, а также к оценке различных сторон его художественного творчества. Критические интерпретации произведений Толстого почти всегда сопровождаются выявлением «сильных» и «слабых» сторон его художественного мира. Такой своего рода регистрационно-оценочный подход реализуется и в статье В. Кигна (связь с предшествующей традицией видна уже в ее заглавии). Но статья Кигна – это редкий для критики начала XX века пример анализа, обращенного, в первую очередь, к специфике *литературных героев* Толстого, а не его религиозно-философских и общественных взглядов. В. Кигн переносит противоречия мировоззрения Толстого, его взгляды на личность, ее роль в истории на сам тип героев, характер их активности, отношение их к прошлому и будущему и в целом – к жизни. Сопоставляя героев Толстого с шекспировскими персонажами, Кигн замечает: «Никто из героев Толстого не сделал сам не только всей своей жизни, но даже малейшей ее частицы», «толстовские герои не действуют, а испытывают душевные состояния» [1, с. 87]. Оригинальность подхода Кигна к творчеству Толстого проявилась в том, что критик связывает открытия Толстого в области изображения душевной жизни с открытиями в лирике. В статье неоднократно упоминается имя любимого Толстым Фета. Он называет Толстого «эпическим Фетом» [Там же, с. 90]. По Кигну, Толстой первым «подшел к человеку с той стороны, которой до него касались только некоторые лирические поэты, глубже всех наш Фет – со стороны “неуловимых” ощущений и неосознанных или полусознанных мимолетных впечатлений, которые с виду как будто и не играют в человеческой жизни заметной роли, а на самом деле, как это впервые обнаружил Толстой, являются причинами тех неожиданных, кажущихся фатальными, отклонений и скачков, которые эта жизнь делает, несмотря на усилия рассудка направить ее по-своему» [Там же, с. 91]. Но, «открыв значение мгновения», Толстой, с точки зрения критика, «забыл, что мгновения скопляются в минуты, часы, дни» [Там же, с. 93]. Это приводит к тому, что герои Толстого живут исключительно в настоящем, они равнодушны к прошлому и будущему, они не борцы, не люди действия¹.

¹ Соглашаясь с точкой зрения В. Кигна, П. Перцов в письме к нему заметил, что Толстой – это «типичный *Hausdichter* – домашний, интимный гений, к<ото>рый решительно не понимает площади, трибуны и всего вообще “внешнего”» [2, с. 301].

Разумеется, некоторые положения этой интерпретации можно оспорить, но сама постановка вопроса о связи метода психологизма Л. Толстого с открытиями Фета нова и перспективна. Вопрос о характере переворота в искусстве, сделанного Толстым, о том, как развивается традиция толстовского психологизма в последующей русской и мировой литературе, поставленный в начале XX века, сохраняет актуальность и сегодня.

Список литературы

1. В. К. (Кигн В. Л.) В чем сила и слабость Льва Толстого // Новый путь. 1903. № 10. С. 86-95.
2. «...Вспомните путь к “Новому пути”»: переписка П. П. Перцова и В. Л. Кигна-Дедлова (1902-1903) / публикация А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 291-308.
3. Долгополов Л. К. На рубеже веков: о русской литературе конца XIX – начала XX в. Л.: Советский писатель, 1985. 351 с.
4. Карев С. Что читает провинция // Вестник литературы. 1911. № 3. С. 67-69.
5. Лотман Ю. М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 194-195.
6. Русаков Виктор. Живая биография гр. Л. Н. Толстого // Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М. О. Вольф. СПб., 1903. № 10-11. С. 101-104.
7. Франк С. Лев Толстой и русская интеллигенция. Юбилейная литература о Толстом – статьи в журналах и газетах // Критическое обозрение. 1908. Вып. VI. С. 75-82.
8. 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова. СПб.: Родник, 2014. 928 с.

**FROM THE HISTORY OF PERCEIVING L. TOLSTOY'S CREATIVE WORK
IN THE MODERNISTIC COMMUNITY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (P. PERTSOV, V. KIGN)**

Krylov Vyacheslav Nikolaevich, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga region) Federal University
krylov77@list.ru

The article examines certain peculiarities of perceiving L. N. Tolstoy's personality and creative work at the beginning of the XX century. These peculiarities were conditioned by both the changes in Tolstoy's late works and by the typical for Silver Age criticism increased focus on writer's personality, everyday life which casts aside his literary creation. To get a comprehensive picture of Tolstoy's reception it's necessary to involve not only the supreme examples of modernistic criticism (D. S. Merezhkovsky's essay "Leo Tolstoy and Dostoyevsky") but also the papers of the second-rate writers including V. Rozanov's followers, such as P. Pertsov and V. Kign (Dedlov).

Key words and phrases: L. Tolstoy; P. Pertsov; V. Kign (Dedlov); reputation; literary criticism; character.

УДК 821.161.1

Статья посвящена анализу китайской исследовательской рецепции основной эстетической проблематики повести К. Г. Паустовского «Золотая роза». В работе рассмотрены, с одной стороны, преемственность китайских ученых по отношению к идеям, высказанным русскими специалистами по творчеству Паустовского, с другой – творческое восприятие и развитие этих идей. Анализ указанной рецепции позволяет говорить о том, насколько востребовано в Китае творчество писателя и как велик исследовательский интерес к его эстетической позиции.

Ключевые слова и фразы: повесть К. Г. Паустовского «Золотая роза»; китайская исследовательская рецепция; эстетические принципы; жанр; композиция; сюжет.

Первушина Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Ян Янь

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
pervushelena@yandex.ru*

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ЗОЛОТАЯ РОЗА»
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Творчество К. Г. Паустовского – замечательная страница в истории русской литературы XX века. Писателю пришлось прожить долгую и противоречивую историю его восприятия: и упреки представителей вульгарного социологизма в отрыве от социалистической действительности, и последующее признание его несомненных художественных достижений, особенно в развитии неоромантических традиций в современной русской литературе. Известно, какое огромное влияние оказал Паустовский не только на русскую литературу, но и на литературы многих зарубежных стран, в том числе Китая. Чрезвычайно значимой для деятелей китайской словесности стала программная повесть Паустовского «Золотая роза». В данной статье мы обратимся к анализу китайской исследовательской рецепции основных эстетических положений произведения.